

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Л.М. Крюков,

кандидат экономических наук, НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь

Историческим жизненно важным было стратегическое решение Первого Всебелорусского народного собрания о переводе национальной экономики на инновационный путь развития. 2007 год явился годом принятия Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь (ГПИР) на 2007–2010 гг. (разработанной на основе Концепции национальной инновационной системы (НИС) Беларуси) [11]. Но реализация ее идет медленно и противоречиво. Программа содержит ряд институциональных преобразований, к осуществлению которых оказались неготовыми многие госструктуры, организации, кадры.

Это – формирование национальной инновационной системы, новых организационно-экономических институтов (законопроектов, обеспечивающих системную завершенность правовой базы по модернизации и инновационному развитию экономики; институтов развития; новых механизмов защиты интеллектуальной собственности (ИС) и коммерциализации нововведений; системы разработки и финансирования прорывных национальных проектов и программ (V и VI технологических укладов), новых механизмов и форм мотивации и стимулирования научного, творческого труда ученых, инженерно-технических работников, рационализаторов и изобретателей и др.

Для успешного решения этих задач и в целом заданий ГПИР-2010 в стране создан определенный научный и научно-технический потенциал, теоретический и научно-практический задел, накоплен опыт программно-целевого управления в условиях перехода к рыночным отношениям.

При активном участии научных структур ведется интенсивная разработка многочисленных республиканских, отраслевых, региональных, а также государственных на-

учно-технических и других программ по самым различным вопросам. Сегодня их насчитывается около 480. Этот огромный массив мероприятий, данных, оценок, тенденций и перспектив создает ту совокупность концепций, императивов, параметров и индикаторов, тот определенный фон, который служит как основой, так и ориентиром для прогнозирования НТП, активизации инновационной деятельности в Беларуси в контексте ее последовательного вхождения в мировое сообщество, мировую экономику, научное и технологическое пространство [3].

Но сложность задач, их уникальность для страны настолько велика, что требует кардинального увеличения усилий научного сообщества, поскольку решение новых задач и проблем невозможно традиционными, тривиальными методами.

Проблемное поле инновационного развития

Переход к инновационной экономике с одновременным формированием современных рыночных отношений очень сложен в интеллектуальном, кадровом, материально-финансовом, инфраструктурном и институциональном плане. Сегодняшняя экономическая система многоукладна. Здесь объективно будут соседствовать противоречия, противоположности уходящих и приходящих явлений. Например, контрактная система найма работников – капиталистический механизм, политика полной занятости и трудовой договор – социалистические принципы; отмена общественных фондов потребления и введение платности услуг – шаг к рынку. Много противоречий переходного характера, смешения принципов в системе налогообложения, ценообразования, пенсионного обеспечения, социальной ориентации бюджета и др. Приход ТНК неизбежно ве-

дет к сокращению численности работников и социальных затрат, но без привлечения новейших технологий мировых корпораций нельзя сократить технологическое отставание от высокоразвитых стран. Ориентация рынка труда на потребности нынешней структуры экономики опасна – можно остаться без специалистов в перспективных отраслях (в России по этой причине потеряны многие когда-то мощные отрасли) [12].

Все эти и другие сложнейшие проблемы требуют глубокого научного анализа, теоретического осмысления текущих и ориентированных на будущее процессов преобразований экономики и социальной сферы, а также разработки стратегических и тактических программ их осуществления с тщательным отслеживанием и оценкой приближения к перспективной экономической системе страны, т. е. социально ориентированной рыночной (смешанной) экономике. Какова же будет эта «смесь» различных укладов: социалистического (планового), социально ориентированного рыночного, либерально-капиталистического? Насколько социально взрывоопасна? Ведь внедрение рыночных (капиталистических) отношений несет с собой необходимость разрешения противоречий труда и капитала, проблем образования стоимости, среднего класса, систем оплаты труда и пр. в условиях инновационной экономики (в перспективе), где доминируют не вещественные, а нематериальные активы.

Во всем комплексе проблем важнейшей (в историческом и тактическом плане) является проблема резкого повышения производительности и стимулирования (оплаты) труда в контексте белорусской модели развития. Ситуация здесь очень сложная, но без ее разрешения нельзя стать конкурентоспособной страной и занять достойное место в мировой экономике.

Наши соседи – российские ученые провели сравнительное исследование в этой области в США и России. Картина выглядит удручающе. На конец 2007 г. отставание России от американского уровня производительности труда составило в целом по народному хозяйству 4,1 раза, а отставание по оплате труда – 11,3 раза (по отдельным отраслям этот контраст еще больше: например, в об-

рабатывающих производствах эти цифры составляют 5,1 и 14,1 соответственно) [9].

Главная причина различий состоит в уровнях автоматизации и компьютеризации американской и российской экономик. В США в 2003 г. он составлял 53,7%, т. е. производительные силы приобрели технотронный характер. В обрабатывающей промышленности США удельный вес автоматизированных рабочих мест и специальностей достиг 51,9%. Аналогичны по технотронным параметрам и производительные силы ведущих стран ЕС.

Россия поставила задачу увеличить к 2020 г. производительность труда в 4 раза, т. е. догнать нынешние США. Только для этого надо иметь к тому времени уровень автоматизированных и компьютеризированных рабочих мест не менее 55–60%, прежде всего – в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, строительстве. При ручном, даже электромеханическом, труде задача учетверения невыполнима, также как без перехода на гибкие системы оплаты труда, в том числе к почасовой мере труда и потребления.

Из приведенных выше сравнительных данных по США и России вытекает еще один вывод: в среднем по народному хозяйству России уровень оплаты труда относительно реальной производительности занижен в 2,7 раза [9]. У нас эта ситуация не лучше. Поэтому в подобном положении лозунг опережения темпов роста производительности труда по отношению к росту оплаты труда неоднозначен. Консервирование низкого уровня оплаты труда не позволит интенсивно внедрять новую технику (а она дорогая), автоматизировать и роботизировать производство, но без этого нельзя поднять производительность труда и, следовательно, его оплату. Однако проблему надо решать. Как, какими методами, в какой системе экономических координат и характеристик (нынешних и будущих) белорусской экономической модели? Сегодня эта модель развивается и обогащается на философско-социологическом (стратегическом) уровне как национальная цивилизационная матрица Беларуси, на социально-экономическом (тактическом) уровне – как идентификация национальной экономической системы в ее развитии, на политологическо-властном (опе-

ративном) уровне – как совокупность принципов экономической политики Беларуси в качестве независимого государства. Как показывают события и научные дискуссии последних лет, в дальнейшем модель развития, ее концептуальный каркас, общая философия или идеология стратегии, будет интенсивнее двигаться в своих характеристиках от мобилизационно-административного управления к государственному дирижизму (например, французского типа) с индикативным планированием и регулированием. Это, конечно, потребует масштабных институциональных и структурных изменений в экономике, государстве и обществе, а также преодоления чрезмерного патернализма, уравнительности и других черт «советской» ментальности.

И эти изменения нарастают в плане развития предпринимательства, либерализации экономической деятельности. Согласно оценкам Международной финансовой корпорации (МФК) качества делового климата, Беларусь заняла в 2008 г. 85-е место в мире (поднявшись со 115-го). По мнению Всемирного банка, Беларусь стала одним из ведущих реформаторов в категории регистрации собственности.

Беларусь (по данным института ВБ) за 2004–2005 гг. по глобальному рейтингу продвижения к экономике, основанной на знаниях, занимала 57-е место после России и Украины, опережая Казахстан и другие страны СНГ.

Как свидетельствует доклад Конференции ООН по торговле и развитию «Информационная экономика 2007–2008 гг.», «в Беларуси самый высокий среди стран с переходной экономикой уровень доступа к Интернету – она занимает 22-е место в мире». Глобальной сетью у нас охвачено 56,5% населения. Это – сильный рывок к информированному обществу.

В изменяющемся, глобализирующемся мире предметом конкуренции становятся не только рынки товаров, капитала, труда, но и ценностные ориентиры, и модели развития. Этот аспект проявляется и в межцивилизационных отношениях, в том числе внутри общей европейской цивилизации. Делая фундаментальный европейский выбор – на уровне философии, культуры, нашего мировоз-

зрения и стратегии, мы и в качестве перспективной экономической модели должны ориентироваться и на ЕС, и на Россию и выбирать экономику, основанную на знаниях, т. е. экономику инновационного социально ориентированного типа [1; 2].

Что из себя представляет экономика, основанная на знаниях (knowledge based economy)? Серьезных теоретических разработок в стране пока нет. Но они есть за рубежом.

В современной экономической литературе чаще всего употребляется определение, предложенное специалистами Всемирного банка (ВБ): «Экономика знаний (ЭЗ) – совокупность институтов, взаимодействие которых определяет инновационное производство. ЭЗ использует создание и использование знания в качестве главного фактора ускорения экономического роста и повышения конкурентоспособности» [7; 8].

Практикой установлено сегодня, что интенсивный переход к ЭЗ, как правило, включает такие элементы, как долгосрочные инвестиции в образование, развитие инновационного потенциала, модернизация информационной инфраструктуры и создание экономической среды, благоприятствующей рыночным трансакциям. Эти элементы определены ВБ в качестве главных компонентов (устоев) экономики, основанной на знаниях, которые в совокупности образуют систему ЭЗ.

Эти структуры формируют новое содержание экономики, в которой ведущую роль начинают играть нематериальные активы и интеллектуальная собственность, способность к постоянным инновациям, увеличению мобильности и гибкости производственных структур, их готовности к интеграции и глобальной конкуренции.

Широкие исследования проблем ЭЗ проводят французские и итальянские социологи, экономисты и философы, называя ее «когнитивным капитализмом», поскольку родовые черты не исчезают при новом названии общества. По их мнению, распространяющаяся сегодня экономика знаний – это капитализм, пытающийся по-новому определить свои основные характеристики: труд, стоимость и капитал. Они глубоко изучают новые процессы, человеческий капитал, капитал знаний в контексте сущности и характеристик нематериального труда, нематериального капитала и но-

вых механизмов образования стоимости, а также подчеркивают необходимость создания новой экономической теории [8].

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (август 2008 г.) большое внимание уделено формированию инновационной экономики, превращению интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста на основе развития отраслей экономики знаний и высоких технологий, куда включены сферы высшего и специального образования, высокотехнологической медицинской помощи, науки и опытно-конструкторских разработок, связи и телекоммуникаций, наукоемкие подотрасли химии и машиностроения. Определены шесть ключевых направлений перехода к инновационному социально ориентированному типу развития. Формируется система институтов, в том числе институты, обеспечивающие развитие человеческого потенциала, экономические институты, институты развития, а также построение национальной инновационной системы и разработку технологий.

Мировой опыт формирования НИС послужил главным ориентиром при выработке белорусской модели национальной инновационной системы. С его учетом ГПИР-2010 и Концепция НИС предусматривают продвижение Беларуси к экономике, основанной на знаниях, прежде всего, в таких блоках (компонентах), как:

- экономическая и институциональная среда, обеспечивающая эффективные экономические стимулы и институты для творчества, создания и распространения знаний и мобилизации и распределения ресурсов для инноваций;
- национальная инновационная система – современная модель и направления институциональной «достройки» до НИС высокоразвитых стран;
- повышение уровня инновационности системы образования и подготовки кадров;
- инновационная инфраструктура – перспективы развития в рамках НИС [11; 17].

Все эти проблемы чрезвычайно слабо исследованы, в том числе нашими теоретическими центрами, в историческом, социологическом, экономическом, а также нравственном аспектах.

Прикладная экономическая наука ожидает от академических и университетских структур новых теоретических разработок по проблемам экономики, основанной на знаниях. Но пока нам настойчиво предлагают «ноосферную экономику».

«Ноосферная экономика ... трактуется как разумный способ общественного воспроизводства товаров, работ и услуг на основе совершенствования системы корпоративных инновационных производственных отношений и преимущественно постиндустриальных производительных сил» [4. С. 16].

Весьма спорная компиляция советской интерпретации марксистской формулы о производственных отношениях и производительных силах, расцвеченная модными терминами (инновационные, постиндустриальные и т. д.) и искусственно приклеенным понятием «ноосфера». Это понятие ввели французские ученые Э. Леруа и Тейяр де Шарден в 1927 г. для обозначения нового эволюционного состояния биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее развития. В.И. Вернадский развил это понятие как новую форму организованности при взаимодействии природы и общества, возникающей в результате преобразующей мир творческой деятельности человека (опирающейся на научную мысль).

Эти процессы описал еще К. Маркс в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.»: «Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание (Wissen, Knowledge) превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда показателем того, до какой степени условия самого общественно-жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса» [13].

В этом контексте ноосфера как планетарное явление давно состоялась в процессе индустриального развития в XX в. И человеческий разум очень повлиял на планету в целом в ходе НТП, принесся наряду с позитивом в использовании природных сил огромные беды биосфере, отравляя и загрязняя окружающую

среду, способствуя образованию «парникового» эффекта и т. д. (т. е. понятие разума не абсолютно несет позитивный смысл).

Таким образом, уже во второй половине XIX и в XX вв. в индустриально развитых странах имели место новые явления и процессы в биосфере земли, которые и были обозначены термином «ноосфера». И представлять дело так, что ноосфера – новое слово в современной науке, просто неверно. Тем более – представлять ее как перспективу развития, как что-то принципиально новое для страны, общества, экономики.

Социум как ноосферная часть биосферы в своем развитии самокорректирует наследственный социокультурный код через смену культурно-исторических эпох и сегодня формирует новую экономику, или экономику знаний.

Так что ноосферная экономика – это не только смешение разнородных понятий, но и слишком «высокая» абстракция, бесполезная для экономической теории как не имеющая строгого непротиворечивого содержания и смысла и для экономической практики – как не имеющая институционально-структурной модели и инструментов своей реализации (вполне достаточно конструктивно оперировать понятиями «инновационная или креативная экономика», «экономика знаний», «глобализирующаяся экономика» и т. д.).

То же можно сказать и о таком термине, как «диффузия и трансфер разума» [14. С. 74] и др. Сознательное использование «новомодных» словечек для обозначения рутинного явления передачи информации искажает объективную реальность и вводит читателя в заблуждение – и, в конечном счете, снижает авторитет науки, да и ее роль в обществе, поскольку не предъявляются действительно новые концепции, теории, ноу-хау и т. п. Достаточно обратиться к Им. Канту, чтобы увидеть разницу между «разумом», «рассудком» и «знаниями» (информацией), которые можно «трансферить», но не разум.

Не могут не настораживать попытки некоторых представителей академических и университетских кругов внести «радикальные» изменения в научные парадигмы, сложившиеся и общепринятые в мире.

Так, некоторые академики предложили Министерству экономики провести «ради-

кальную смену парадигмы комплексного развития производственного сектора национальной экономики с научно-производственной на производственно-научную специализацию. Последняя предусматривает первичность производства и вторичность науки как сопровождающей сферы». И это провозглашается в 2008 г., когда все индустриально развитые страны стремительно переходят к информационному обществу, экономике знаний, где во главу угла ставятся наука и информация. Переход на инновационный путь развития, к экономике знаний был подтвержден и на Первом съезде ученых Республики Беларусь. Тем не менее «инициатива» выдвигается.

Тезис о «вторичности науки» весьма опасен и в теоретическом, и в практическом плане. Он вносит неразбериху в терминологическую, смысловую и ценностную системы научного сообщества страны, поскольку исходит от высшего научного учреждения. Эта спорная линия проводится и в журнале «Наука и инновации» (спецвыпуск, 2007 г.), где утверждается, что «особая приоритетность фундаментальных научных исследований (ФИ) как основы развития самой науки и общества в целом – это глубокое заблуждение, системная ошибка» [5. С. 2]. Скорее, системная ошибка – утверждать подобные вещи, поскольку тут же постулируется, что для прорыва «требуется революционное событие, открытие нового, неизвестного ранее, свойства вещества» – а это без поисковых фундаментальных исследований сделать нельзя.

Четкая позиция в отношении роли и задач ФИ изложена в выступлении Президента страны на Первом съезде ученых Республики Беларусь [1].

Другое дело – вести дискуссию о науке, не подвергая сомнению ее роль как важнейшей производительной силы, но рассматривая новые явления и проблемы в связи с быстрым становлением экономики знаний, которые требуют своего теоретического осмысления и интерпретации. Сомнения академиков могут быть порождены отказом от линейной модели научно-инновационного цикла, возникновением в классификации знаний наряду с научными знаниями технических (технологических) знаний, иннова-

Нематериальные активы компании

Рыночные активы	Интеллектуальная собственность	Человеческий капитал	Инфраструктурный капитал
Марка обслуживания Марки товара Корпоративные марки Покупательская приверженность торговой марке фирмы Корпоративное имя Портфели заказов Механизм распределения Деловое сотрудничество Франшизные соглашения Лицензионные соглашения	Патенты Авторские права Программное обеспечение Права на дизайн Производственные секреты Ноу-хау Товарные знаки Знаки обслуживания	Образование Профессиональная квалификация Связанные с работой знания Связанные с работой умения	Корпоративная культура Управленческие процессы Информационные технологии Сетевые системы связи Отношения с финансовыми кругами Требуемые стандарты

Источник. [7].

ций, интеллектуального капитала, квалификации (компетенции), информационно-коммуникационных технологий [6]. Интеллектуальный капитал часто полностью отождествляется с нематериальными активами (см. табл.).

С продвижением к экономике знаний производительный труд, измерявшийся в единицах произведенного продукта за единицу времени, сменяется так называемым нематериальным трудом, который уже не поддается измерению классическими способами. Сегодня источником стоимости являются интеллект и воображение. Знание индивида важнее, чем рабочее время машины. Как носитель своего собственного капитала, человек составляет часть капитала предприятия (Centre des jeunes dirigeants, L'entreprise au XXI siècle. Flammarion 1996). И здесь речь идет не о науке и не о научно-техническом знании, а об интеллекте, воображении и живом опытном знании, которые в совокупности и составляют «человеческий капитал».

Если вести дискуссию в этом контексте, то можно высветить новые соотношения науки и производства. Но для этого именно фундаментальная наука, теоретическая (философия, социология, политэкономия) наука должна дать ответы и решать такие проблемы:

- определения сущности современных знаний и экономики знаний (ее предмета, методов, структуры) в переходной экономике;
- управления знаниями и интеллектуальными ресурсами в целом;
- формирования стоимости в экономике знаний;
- соотношения интеллектуальной собственности и нематериальных активов (правовой аспект);
- измерения и оценки нематериальных активов (интеллектуального капитала, капитализации рынка, окупаемости активов);
- увеличения творческого потенциала организаций, подготовки инновационных менеджеров.

И здесь следует опираться на опыт стран, уже далеко продвинувшихся в этой области, а также международных организаций и научных центров.

Экономика знаний подталкивает к осуществлению поворота от потребления и, следовательно, производства, материальных ценностей к потреблению нематериальных. Символы успешности и богатства должны стать нематериальными. На Западе среди интеллектуальной элиты давно уже нет сомнений, что развитие общества в целях бесконечного повышения уровня потребления и комфорта бессмысленно и, скорее всего, тупиково в историческом контексте, в координатах «с-

тойчивого развития». Но как это объяснить «новой элите», например, стран СНГ, в том числе России, в столице которой доходы самых обеспеченных горожан в 41,6 раза выше, чем доходы неимущих москвичей (по данным Мосгорстата, «Аргументы недели», № 35 от 28 августа 2008 г.)? Или олигархам, скупающим самые дорогие поместья, самолеты, яхты и т. п. на фоне огромного количества неимущих в этих странах.

Экономика знаний возникла и развивается на капиталистическом базисе, неся в себе все противоречия капитализма, капитала и труда, стоимостно- и ценообразующих цепей и распределения благ, соотношения платности и бесплатности, стоимости рабочей силы и технического прогресса, новых механизмов эксплуатации и расслоения по доходам и т. д.

Как показал исторический опыт, рыночная экономика, открывая просторы для роста производительных сил, порождает тенденцию к размыванию социальных ценностей – интеллектуальных, нравственных, гражданских, общекультурных. Оказалось, что лежащая в основе рыночного общества мотивация индивидуального обогащения создает значительный дефицит коллективного морального воодушевления. В условиях рынка на государство ложится сложная гуманитарная миссия – генерировать общезначимые нравственные цели и ценности, способные объединять и активизировать большинство граждан [15]. Эти моменты принципиально важны и для Беларуси, избравшей эволюционный (антишоковый) путь перехода к рынку и стремящейся максимально сохранить гуманитарные, коллективистские идейные начала и принципы.

Все это предмет углубленных – фундаментальных – исследований, как столь же важным является изучение сущностных характеристик и перспектив процессов укрепления госкапитализма, например, в России в рамках принятой там либеральной идеологии.

Многие научные разработки, программы в силу исторических обстоятельств носят, скорее, идеологический или в лучшем случае технократический, «технологический» характер, но переход от выживания к развитию, модернизации требует ответов на фундаментальные вопросы: какова есть и должна быть архитектура базисных основ общества и государства, и уже в контексте этой

(социалистической, капиталистической, многоукладной и т. д.) архитектуры следует решать назревшие проблемы. Иначе они будут решаться не проблеморешающими, а проблемосоздающими методами.

Вместе с тем важно заметить, что теоретическая рефлексия в науке в той мере, в какой она обращается к исследованию все более глубоких оснований научно-теоретического знания, не может не касаться фундаментальных философских проблем относительно природы познаваемой реальности, взаимоотношения субъекта и объекта, характера научного знания и т. д.

Но с отказом от марксизма, его философского учения были резко ослаблены критическая рефлексия, философский анализ экономических проблем. Особенно пострадала диалектика – как наука об общих законах развития природы и общества, хотя она возникла в Древней Греции за 2000 лет до Маркса. Кстати, Древняя Греция много пережила и много вынесла на своем долгом веку, создала научный и культурный фундамент европейской цивилизации. Но не выдержала удара, нанесенного византийским императором Юстинианом (в VI в.), отобравшим капиталы вольных городов, низведшим поборами свободное население на ступень рабов и закрывшим афинские философские школы. С этого момента всемирная культурно-историческая роль Древней Греции закончилась [10].

Недооценка философской основы в науке и практике, забвение диалектики привели к доминированию западного позитивизма, в XX в. – неопозитивизма и аналитической философии, цель которых – разработка методов логического и лингвистического анализа знаний. В политике и экономике это выдвинуло на первое место прагматизм как общий метод решения жизненных проблем и практических задач. Истина толкуется в позитивизме как практическая полезность. Отсюда политика, основанная на принципах, не может быть прагматичной, поскольку неэластична и не ориентирована на «всеобщую полезность», не утилитарна.

Последовательная – по мере изменения объективной реальности (в том числе под воздействием науки) – смена научных парадигм, устаревших представлений о мире и о самом научном знании, усложнение систе-

мы средств исследования познаваемого объекта обуславливают резкое возрастание моментов рефлексии в научно-теоретическом мышлении, прежде всего теоретической рефлексии над логической структурой и познавательным смыслом тех концептуальных схем, которые стремятся отобразить новую объективную реальность.

Масштабность, комплексность, междисциплинарность, необходимые при анализе глобальных проблем, требуют новых общих методологических подходов и методов исследования, новых теоретических концепций и доктрин, которые пополняют и обновят концептуальный багаж и арсенал инструментов исследования вышеуказанных и других проблем.

Конечно, и философия, и экономическая наука не представляется одной монолитной теорией. Это, скорее, множество соперничающих парадигм, каждая из которых при определенных обстоятельствах и усилиях ее основателей и последователей может стать доминирующей, вытеснив остальные на периферию этой области знаний, и оставаться таковой до тех пор, пока не исчерпает возможности адекватно объяснять происходящие процессы и прогнозировать будущее.

Например, ведущая часть научного сообщества США овладела «философией нестабильности». Она стала работать в парадигме «науки становления». В отличие от «науки бытия» мир в ней видится как неравновесная система, как непрерывные переходы «порядок – хаос» с частым расщеплением (раздвоением) – «точками бифуркации», в которых изменить ход событий можно с помощью очень небольших воздействий. Формировать их позволяют инструменты синергетики и фрактальной математики, улавливающие с помощью понятий фрактала, аттрактора, динамического хаоса и др. эти точки бифуркации, т. е. точки фазовых переходов в неустойчивых системах, и на этой основе строить корректные модели новых институциональных пространств как на уровне предприятий, так и на уровне общества в целом [16].

Синергетика как теория эволюции и самоорганизации располагает методологическими подходами, методическими, математическими и программными инструментами

построения моделей устойчивого развития стран, регионов современного нестабильного мира и должна быть взята на вооружение нашими теоретиками. И тем самым помочь «прикладникам» разрабатывать более адекватные и эффективные программы развития экономики страны в переходный период. Ведь до сих пор нет целостной теории переходных процессов, обобщающей отечественный и зарубежный опыт (стран СНГ и ЦВЕ) на основе современных концепций и методов исследования.

Эксперты ООН предложили кардинально изменить систему госрегулирования на основе синергетической стратегии и при разработке госпрограмм использовать «стратегию синергетического избирательного модульного совершенствования государственного потенциала». Речь идет о стратегии комплексного (системного) долгосрочного планирования общественного развития на основе базовых ценностей (до 50 лет) с разбивкой на 5–10-летние периоды – на основе 16 принципов [15].

Ценностный подход – еще один новый момент для западного менеджмента, который долго развивался на чисто утилитарной основе.

Все эти моменты заслуживают пристального внимания и конструктивного использования в разработке таких стратегических документов, как КП НТП, НСУР и др.

В заключение следует отметить, что если мы идем в европейское пространство, чьи страны были и являются лидерами в становлении различных рыночных экономических систем: ранее – социального хозяйства (Германия), государства благосостояния (Швеция), сегодня – инновационной экономики, экономики знаний (скандинавские страны, Франция и др.), то должны ясно отдавать себе отчет в капиталистической природе этих государств, построенных на принципах частной собственности, индивидуализма, конкуренции, экономической свободы. И в процессе вхождения в это пространство необходимо системнее и глубже разрабатывать экономическую теорию, теорию переходных процессов, научно обоснованные программы (прогнозы) поэтапного, целенаправленного отказа от реликтов советского времени, инерции КАС и переходить к построению новых

институтов (организаций, правовых норм, неформальных правил новой среды).

Поэтому, внедряя у себя стандарты ВТО, других международных организаций, СНС, норм бухгалтерской и банковской статистики и т. д., следует не реанимировать, например, советские методики расчета эффективности новой техники (действовавшие на основе приведенных затрат и в условиях отсутствия конкуренции), а осваивать категории и понятия рыночного (смешанного) хозяйства, в том числе ключевые – при выборе инвестиционно-инновационных проектов – понятия «альтернативной стоимости», «внешних эффектов» (экстерналий) и др. Рынок жесток, конкуренция не дает предприятию гарантий «вечного» существования (как в плановой системе), а в случае плохой работы ведет к банкротству (последний финансовый кризис в США показал, какие гиганты могут потерпеть крах).

Своевременное овладение новыми теоретическими разработками, рыночными инструментами и механизмами регулирования экономики поможет избежать ошибок и более успешно переходить к инновационному типу развития страны. Но пока в арсенале философской, социологической, правовой, экономической и прочих наук еще недостает многих теоретических и методологических инструментов для исследования переходных процессов, выработки эффективных, адекватных многоукладной (смешанной) экономике, теоретических моделей и соответствующих программ действий для субъектов хозяйствования. Тем более, что экономическая наука в странах Запада в последние годы свелась в основном к математическому просчету хозяйственных процессов и финансовых операций (рисков), а фундаментальные принципы экономики давно уже никто серьезно не изучал. Считалось, что и так все ясно. Но мировой финансовый кризис показал, что это далеко не так. Нужно вводить новые понятия, объясняющие смысл уже известных явлений в качественно новом мироустройстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукашенко А.Г. Стратегия будущего. Выступление Президента Республики Беларусь на Первом съезде ученых // СБ. Беларусь сегодня. 2007. 3 нояб. № 209.
2. Резолюция Первого съезда ученых Республики Беларусь // Наука и инновации. 2007. № 12.
3. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2007 года: Аналитический доклад // ГКНТ. Минск, 2008.
4. Никитенко П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития. Минск: Белорус. наука, 2006.
5. Наука и инновации. Спецвыпуск. К Первому съезду ученых Республики Беларусь. Минск: РУП «Издат. дом «Белорус. наука», 2007.
6. Третий европейский доклад о показателях развития науки и техники: к экономике, основанной на знаниях. Европейская комиссия. Брюссель, 2003.
7. Мильнер Б. Управление интеллектуальными ресурсами // Вопросы экономики. 2008. № 7.
8. Горц Анрэ. Знания, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // Логос. 2007. № 4(61).
9. Губанов С. Новая целевая задача и условия ее решения // Экономист. 2008. № 3. С. 15.
10. Бернал Дж. Д. Наука в истории общества / Пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.
11. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы. Национальная инновационная система // ГКНТ. Минск: ГУ «БелИСА», 2007.
12. Шимов В.Н. Структурная трансформация экономики Беларуси: предпосылки и приоритеты // Белорусский экономический журнал. 2008. № 2. С. 17.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 215.
14. Материалы Международного форума. Инновационные технологии и системы // Минск: ГУ «БелИСА», 2006.
15. Новые подходы к разработке государственных программ: рекомендации экспертов ООН. Режим доступа: <http://vasilieva.narod.ru/ptpu/5603.htm>
16. Глазьев С., Батчиков С. Против угроз будущего // Московские новости. 2007. № 13. С. 31.
17. Крюков Л.М. Национальная инновационная система: проблемы становления и развития // Белорусский экономический журнал. 2003. № 4.

